

Г. С. Яроцкая
Одесский национальный
университет имени И. И. Мечникова

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЩЕДРОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Реферат. В статье предпринята попытка лингвокультурного анализа важнейшей константы русской культуры — «щедрости». Рассматривается динамика вербальной репрезентации концепта в русском языке XI-XIX веков по данным словарей соответствующего периода. Когнитивные признаки, актуализированные в лексемах ряда *щедрость*, *милосердие*, *торопливость*, *чивость*, *нескупость*, *расточительность* и др., выделяются в соответствии с трёхкомпонентной структурой лингвокультурного концепта: логико-рациональный, образно-перцептивный, ценностный компоненты.

В данной статье особое внимание мы уделили ценностному компоненту — актуальности и значимости традиционной для русской лингвокультуры идеи милосердия, взаимопомощи (лексемы ряда *щедрость*), а также антиценности — расточительству, мотовству, отрицательная оценка которому выносится в русской лингвокультуре, исходя из приоритетов бережливости. В результате анализа мы пришли к выводу, что как в русском языке исследуемого периода, так и в современном, семантика трат, расходования материального ресурса связана с представлением о «достойной цели», которая формируется в рамках коммунитарных ценностей взаимопомощи, милосердия и сострадания, внесённых в русскую лингвокультуру православием.

Ключевые слова: концепт СКУПОСТЬ/ЩЕДРОСТЬ, история русского языка XI-XIX веков, ценностный компонент, когнитивный признак, русская лингвокультура.

Благотворительная деятельность русских купцов, известная даже за пределами России, закрепила в русском языке в словосочетании *купеческая щедрость*. Владимир Соловьев охарактеризовал *щедрость* как искони присущую русскому человеку черту, которая «по внешним проявлениям совпадает с великодушием и бескорыстием, но имеет другую внутреннюю основу — альтруистическую. Добродетельно-щедрый человек есть тот, который из справедливости или человеколюбия делится своим имуществом с другими (ибо, поскольку он делает это из тщеславия или из высокомерия, тут нет добродетели) [6]. Другими словами «русская щедрость» имплицитно содержит идею бескорыстия как семантическую пресуппозицию лексемы *щедрость*. А. Д. Шмелев считает, что русскому характеру свойственна «безграничная щедрость, временами переходящая в расточительство, тогда как накопление денег, богатства, экономия средств не одобряются и подлежат осуждению в русской культуре» [7]. Аналогичные мысли содержатся в работах многих исследователей [2; 3; 4; 5 и др.].

Актуальность темы связана с поиском исторических корней аффектации тех или иных идей, представляющих для носителей языка значимые, ценностные смыслы, в данном случае, щедрости. Поскольку языковая концептуализация мира меняется параллельно изменениям в жизни общества, акцент делается в нашем исследовании на происходящих в русском языке семантических сдвигах и их влиянии на эволюцию языкового сознания.

С целью определения культурно значимых когнитивных признаков концепта ЩЕДРОСТЬ в русском языковом сознании (далее РЯС) мы проанализировали логико-рациональный, психологический и ценностный аспекты концептуализации щедрости в истории русской лингвокультуры (далее РЛК), а также обратили внимание на лексемы, фиксирующие динамику воплощения идеи щедрости в русском языке XI-XIX веков. Материалом анализа послужили 145 лексем со значением 'щедрость' и их словарные толкования, выбранные методом сплошной выборки из Словаря церковно-славянского и

русского языка [СЦСРЯ], Словаря древнерусского языка И. И. Срезневского [Срезн.], Словарь старославянского языка [ССР] и Словаря русского языка XI–XVII вв. [СлРЯ XI–XVII вв.].

Прежде всего, сама лексема *щедрость* вошла в РЛК с ярко выраженной христианской коннотацией. *Щедрота, щедроты* — изначально признавались исключительно Божественными атрибутами. «Если мы обратимся к древним восточнославянским текстам, а они по большей части дадут нам образцы церковно-славянского языка, то обнаружим, что ни *щедрота*, ни *щедроты* практически никогда не встречаются в контексте «человеческого», «мирского». *Щедроты*, более часто употребляемая лексема, всегда свидетельствует о проявлении Божественного в мирской жизни» [2]. Если же речь шла о свойствах человека, то в том же контексте, где носитель современного русского языка употребил бы слово *щедрый, щедрость* восточный славянин скорее поставил бы *милостыню, милость* или (реже) *благостыню*. Все эти слова являлись синонимами и подпадали под семантическую область «проявление милосердия Богом или человеком». И только одно слово, а именно *щедроты* отличалось тем, что указывало исключительно на милосердие Господа. Именно потому *щедроты*, в отличие от современной *щедрости*, никогда не имеют отрицательных определений: они не могут быть ни *излишними*, ни *избыточными*, ни *чрезмерными*. *Щедроты* никак не квантифицируются, потому что их *многое множество* не может быть исчерпано, и Бог *непостижим* именно в Его *щедротах*.

Богословы утверждают, что *щедроты* — это внешние выражения Божественной любви к человеку в ниспослании ему материальных благ [2]. Человек, не способный прочувствовать глубоко Божественную любовь, все-таки может ощутить её присутствие через материальное проявление, каковым и являются *щедроты*.

Семантическим «прародителем» *щедрости* является лексема *щедрота* (или чаще *щедроты*), фиксируемая старославянскими и древнерусскими словарями не позже XI в. и имеющая значение 'милосердие, сострадание, милость' [ССЯ].

По мнению лингвистов, *щедрость* закреплена в РЯС в виде особой ментальной единицы — особой культурной константы, которая напрямую соотносится с *широтой, милосердием* и *великодушием* [7]. Культурологи, однако, дополняют этот «концептуальный ряд» и говорят, что *щедрость* связана также и с религиозностью, соборностью и отзывчивостью [3]. При этом наиболее важной считается тесная связь с родственным концептом МИЛОСЕРДИЕ, поскольку она четко указывает на соблюдение свято чтящейся в православии, пронизывающем всю русскую культуру, заповеди «*возлюби ближнего своего как самого себя*».

С появлением кальки с греческого языка *милосердие* (до этого в древнерусском языке существовала лексема *сердоболь*, которым именовался родственник — ближний, о ком сердце болит, отсюда *сердоболие* [см.: 4, с. 209; Фасмер, т. 3, с. 605; 1, с. 55] *щедрость* (*щедроты*) приобретают значение 'божья милость, материальные блага, посланные Богом'. Таким образом, когнитивный признак «щедрость», представленный в лексеме *щедрость* и её однокоренных дериватах изначально имел концептуальную связь с понятием «милость» как дары, милости, оказываемые Богом (*щедровати* — милосердствовать, *щедрость* — милосердие, милость. *Щедрота* — 1. Милость, милосердие. 2. Благорасположение. 3. Чистосердечие, простота сердца [Срезн., т. 4, ч. 2, с. 1608]. Проявление щедрости связано не только с милостью, но и с избытком, изобилием.

Щедрым в славянском мире называли человека *милосердного* и *милостивого*, способного к *состраданию*. «Православным русским человеком *щедрость* воспринимается исключительно как высшая форма проявления милосердия, любви к ближнему» [2]. Таким образом, лексическими прототипами *щедрости* являются *милосердие, милость, чистосердечие, благорасположение* и др.

Свойство *щедрого* человека быть дарителем подарков, выносимое современными толкователями на первое место, — появилось гораздо позже и, по мнению некоторых исследователей, связано с прагматическим влиянием западного сознания, начавшимся с

петровских реформ XVIII в.

Первоначально лексема *щедро* выступала как синоним *обильно, изобильно, щедро, нещадно, независтно, торовато, чиво* имели интегральную сему — 'обильно, в изобилии'. Ср. *Щедро* — обильно [Срезн., т. 4, ч. 2, с. 1608]. Ср. *Независтно*, нареч. 1. Щедро, обильно, в изобилии [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 11, с. 115].

Когнитивный признак «щедрость=милосердие» был представлен номинативным рядом *сердоболие, милосердие, милость, чистосердечие, благорасположение, щедровати, щедрование, щедроты* и др. Однако среди репрезентантов данного когнитивного признака лексемы с корнем *-щедр-* имели, как уже было сказано, дифференциальную сему — божья милость, благорасположение Господа: ср. *Всецедритель* (Бог), *всецедрый* (о Боге) [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 3, с. 135].

Когнитивный признак «щедрость=изобилие» вербализован в лексемах *независтно, независтный, нещадно, спорно, спорый, спорынья, спорыня, нещадный, избыточествовати, обильно, изобильно* и др.

Когнитивный признак «щедрость=нескупость» объективируют лексемы *то(а)роватость, то(а)роватый, торовато, (т)чивость, (т)чивый, (т)чиво*.

Таким образом, если речь шла о свойствах человека *нещадного, нескупого* в современном понимании этих слов, то употреблялись лексемы *тороватый, чивый* — человек, охотно делящийся своим материальным ресурсом с другими людьми. Лексемы *сердоболие, милосердие, милость, чистосердечие*, употреблялись как репрезентанты когнитивного признака «щедрость», понимаемого как проявление благорасположения, которое сопоставимо с поведением *милосердного, сердобольного* человека.

Однако, на наш взгляд, щедрость как готовность делиться своим имуществом генетически (этимологически) и концептуально связана с идеей бережливости (*щадение*). Именно с бережливостью связано представление об избытке, изобилии, то есть **благополучие в РЛК и являлось следствием бережливости, бережного отношения к ресурсам.**

Концептуальный вектор, объективируемый лексемой *щадѣти* в значении 'жалеть', беречь', 'сохранять', 'защищать от опасности', явился основой, на базе которой образовались две антонимичные семантические группы со значением 'скупой' (ср. *щадѣние* = бережливость, скупость — тот, кто жалеет для себя и для других) и 'щедрый' (*тороватый*) — тот, кто жалея других, делится с ними материальными благами (ср. *нещадный; нещадство* — богатый, изобильный, щедрый; богатство, изобилие, *тороватый* — щедрый, нескупой) [Срезн., т. 4, ч. 2, с. 1061], [СлРЯ XI-XVII вв.]. Ср. *Любодаровитый*, прил. Любящий дарить, щедрый [СлРЯ XI-XVII вв., вып. 6, с. 331].

Таким образом, когнитивный признак «щедрость=готовность и желание делиться собственным материальным ресурсом в значительном количестве», вербализован в лексемах *тороватый, тороватость, торовато* и синонимах *тчиво (чиво)*. Когнитивный признак «божья милость, щедрота» представлен в однокоренных лексемах ряда *щедрость*. Ценностное наполнение данных смыслов составляет позитивно оцениваемая в РЯС **идея проявления милосердия, сострадания, взаимопомощи.**

В русском языке XIX века актуальным становится ценностное противопоставление *щедрость/расточительство*, которое проходит по линии распределения материального ресурса: средства, затраченные на других людей, оказание материальной помощи, поддержки, проявление заботы есть *щедрость, тороватость*; средства, растроченные на удовлетворение собственных потребностей (вербализуемые в лексемах с отрицательной оценочностью *роскошь, каприз, прихоть*) есть *мотовство, транжирство, расточительность*.

Щедрость по-прежнему в РЯС XIX века связывается с православной идеей: слова *щедрити, щедриться, щедродатель, щедродательствовати, щедротство* имеют пометы «церк». Производные *щедролюбивый, щедролубие, щедрость, щедрота, щедротание, щедротный*, мотивированные *щедрый* — охотно делающий добро, или оказывающий помощь

другим, нескупий [СЦСРЯ, т. 4, с. 982], а также ассоциируется с понятиями «милость», «милосердие», «помощь», составляющими этические ориентиры РЛК.

Лексемы с корнем *-богат-*, входящие в лексико-семантическую группу с интегральной семей 'проявление щедрости' (*богатодавец* — подающий щедро, *богатодательный*, *богатодарный*, *богатодарно*, *богатитель*, *богатительница* [СЦСРЯ, т. 1, с. 132]), имеют пометы «церк.» в СЦСРЯ.

В значении 'качество человека, охотно делящегося с другими, нескупого', выступают лексемы *тороватость*, *чивость*, имеющие пометы «нар». в СЦСРЯ, и, соответственно, синонимический ряд формируют прилагательные *нескупый*, *щедрый*, *чивый* [СЦСРЯ, т. 4, с. 922], *тороватый* [СЦСРЯ, т. 4, с. 607].

Накопительство и скупость на логико-рациональном уровне объединяется с экономностью и бережливостью, поскольку речь идёт о сохранении ресурса. Другими словами, ресурс может быть сохранён или израсходован.

В связи с этим интересно рассмотреть семантику трат и расходов в русском языке. Определяющим для семантики глаголов *тратить* (1. издерживать, 2. употреблять без нужды [СЦСРЯ, т. 4, с. 615], *растратить* является пресуппозитивный компонент ценности, то есть *тратится* нечто ценное, то, что можно беречь, экономить или даже копить. Семантический компонент 'жалко', присутствующий имплицитно в лексеме *тратить*, противопоставляет глагол синонимам *расходовать* (*расходы*), *издерживать* (*издержки*). Иными словами, русский глагол *тратить* вызывает в представлении идею 'тратить напрасно'. *Тратить* тот или иной ресурс можно только *на что-то*. Если говорящий считает, что некто X, расходуя ресурс, преследует недостойную цель, то, с точки зрения говорящего, X есть *транжира*, *мот*, *расточитель*, его действия квалифицируются как *расточительство*, *траты*. Если говорящий считает, что некто X, расходуя ресурс, имеет достойную цель, то X есть *нескупый*, *щедрый*, *тороватый*, *чивый* человек, его действия в русском языке выражены глаголами с семантикой щедрости, милости, помощи: *благодетельствовать*, *милосердствовать*, *нищекормствовать*, *пособляти*, *щедровати* и т. д., транслирующими моральную, этическую оценку поведения человека. Отсутствие таких качеств, как *щедрость*, *тороватость* и *чивость* передаётся однокоренными лексемами с *не-*: *нетороватость*, *нечивость*, *нещедрость*.

Таким образом, представление о «достойной цели» формируется в рамках коммунитарных этических ценностей взаимопомощи, милосердия и сострадания, критерием оценки соответствующих качеств человека являются приоритеты православного модуса сознания. Поскольку современное РЯС подвержено, по мнению многих учёных, влиянию западноевропейского прагматичного и рационального взгляда на мир, перспективными представляются исследования ассоциативно-вербального уровня концептуализации щедрости в современном РЯС.

Список использованной литературы

1. Воркачев С. Г. Вариативные и ассоциативные свойства телеономных лингвоконцептов: монография / Сергей Григорьевич Воркачев. – Волгоград : Парадигма, 2005. – 214 с.
2. Долевец С. Н. Динамика морально-этических концептов скупость и щедрость в русском литературном языке XIX – начала XXI веков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / С. Н. Долевец. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 29с.
3. Кармин А. С. Основы культурологии: Морфология культуры / А. С. Кармин. – СПб: Изд-во «Лань», 1997. – 387 с.
4. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. – СПб : Центр «Петербургское востоковедение», 2006. – 624 с.
5. Сергеева А. В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 328 с.
6. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев. – М. :

Директ-Медиа, 2009. – 1131 с.

7. Шмелев А. Д. «Широта русской души» / А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 357–367.

Список источников и условных обозначений

РЯС — русское языковое сознание

РЛК — русская лингвокультура

Срезн. – Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. В трёх томах. Репринтное издание [Электронный ресурс]. – М : Книга, 1989. – Режим доступа : <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij>. (Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского). – СПб, 1893.

СлРЯ XI-XVII вв. – **Словарь русского языка XI-XVII вв. [Электронный ресурс]. Вып. 1-28 (1975-2008)**. – Режим доступа : <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3227643>. – Загл. с экрана.

СЦСРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской академии наук. В 4 томах. – Второе издание. – Санктпетербургъ, 1867.

ССЯ — Словарь старославянского языка. В 4 -х т. — Репринт с издания Чешской Академии наук (1966-1997) СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. [Электронный ресурс].– Режим доступа : <http://ksana-k.ru/dict/ss/ss.htm>

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – СПб.: Терра – Азбука, 1996.

Анотація

Яроцька Г. С. Лінгвокультурний аналіз концептуального простору щедрості в історії російської мови.

У статті зроблено спробу лінгвокультурного аналізу найважливішої константи російської культури – «щедрості». Розглядається динаміка вербальної репрезентації концепту в російській мові XI-XIX століть за даними словників відповідного періоду. Когнітивні ознаки, актуалізовані в лексемах ряду *щедрость, милосердие, тороватость, чивость, нескупость, расточительность* та ін., виокремлюються відповідно до трикомпонентної структури лінгвокультурного концепту: логіко-раціонального, образно-перцептивного, ціннісного компонентів.

У даній статті особливу увагу приділено ціннісному компоненту — актуальності і значущості традиційної для російської лінгвокультури ідеї милосердя, взаємодопомоги (лексеми ряду *щедрість*), а також антицінності — *расточительству, мотовству* — негативна оцінка якого виноситься в російській лінгвокультурі, виходячи з пріоритетів ощадливості. В результаті аналізу ми дійшли висновку, що, як в російській мові досліджуваного періоду, так і в сучасній, семантика витрат, витрачання матеріального ресурсу пов'язана з уявленням про «гідну мету», яка формується в рамках комунітарних цінностей взаємодопомоги, милосердя і співчуття, внесених до російської лінгвокультури православ'ям.

Ключові слова: *концепт СКУПІСТЬ/ЩЕДРІСТЬ, історія російської мови XI-XIX століть, ціннісний компонент, когнітивна ознака, російська лінгвокультура.*

Summary

Yarotska G. S. Analysis verbalization of conceptual space generosity in the history of Russian Language and culture.

The article attempts to analyze one of the most important constant of Russian culture – the «generosity». The dynamics of verbal representation of generosity in the Russian language XI-XIX centuries were analyzed based on the dictionaries of the corresponding period. Cognitive signs are represented in a number lexemes (*щедрость, милосердие, тороватость, чивость, нескупость, расточительность* et al), which are described in accordance with the three-component structure

of concept: logical-rational, figurative and perceptive, value components.

In this article, we are focused on the relevance and importance for the traditional Russian culture ideas of charity, mutual aid (generosity), as well as anti-values (*расточительство, мотовство*) – negative assessment which is made in Russian linguistic culture based on the priorities of thrift. As a result of our analysis, we concluded that semantics of spending of material resources in the studied period and in the modern Russian language is based on the notion of «a worthy goal», which is formed within the communitarian values of mutual aid, charity and compassion which are from Orthodoxy in Russian culture.

Keywords: *concept of avarice / generosity, history of the Russian language XI-XIX centuries, component values, cognitive signs, Russian linguistic culture.*